

Интервью Александра Супруна в газете «Самарское обозрение»: «Неприкасаемых больше нет»

Активность 2-го отдела по расследованию особо важных дел СУ СК РФ по Самарской области в последние несколько лет напоминает конвейер, обеспечивающий «посадку» звездных коррупционеров самого разного ранга. В чем сложность преследования VIP-фигурантов, кто оказывает поддержку следователям СК в этой борьбе, а кто, наоборот, противодействует и почему население больше не боится обратиться за защитой от взяточников к правоохранителям - об этом «СО» рассказал руководитель 2-го отдела по РОВД Александр Супрун.

- Как изменились за последние несколько лет уголовные дела о взятках? Раньше на слуху были преимущественно случаи с мелкими взяточниками - врачами, учителями, полицейскими нижнего звена, но последние 2-3 года постоянно привлекают более

значительных фигурантов. Почему так происходит?

- Действительно, за последние годы к уголовной ответственности привлечено немало высокопоставленных чиновников. Этому способствует в целом усиление работы на данном направлении со стороны правоохранительных и надзорных органов, более, на мой взгляд, прозрачный характер их работы с этим, несомненно, негативным явлением. В результате граждане все чаще обращаются с заявлениями о противоправных действиях в отношении них со стороны должностных лиц, невзирая на занимаемые последними должности. Нельзя также не отметить и роль СМИ, которые достаточно широко освещают работу на данном направлении, в результате чего, на мой взгляд, в сознании граждан формируется убеждение о неотвратимости наказания, какое бы высокое положение в обществе ни занимало должностное лицо. Проще говоря, люди понимают, что их обращение в правоохранительные органы о коррупционных проявлениях в любой сфере не будет, что называется, отложено на дальнюю полку, а, напротив, к нему отнесутся со всей серьезностью и вниманием.

- Как ваш отдел взаимодействует с оперативными структурами в плане выявления коррупционных деяний? Почему, как правило, по таким делам оперативную поддержку оказывает ФСБ? Полиции доверия меньше?

- Взаимодействие с правоохранительными и надзорными органами осуществляется в рамках координационных и межведомственных совещаний, рабочих встреч, в ходе которых происходит обмен информацией и вырабатываются конкретные решения для достижения тех или иных результатов.

Если говорить о возглавляемом мной отделе, то по основной массе дел, возбужденных в последние 2-3 года, оперативное сопровождение, действительно, осуществлялось подразделениями УФСБ. Но немало и дел, возбужденных по материалам, поступившим из органов МВД, преимущественно из УЭБиПК. Тесное взаимодействие у нас налажено и с органами прокуратуры, которые занимают принципиальную позицию при осуществлении надзора за следствием и оперативно-розыскной деятельностью, что, в конечном счете, безусловно, идет исключительно на пользу делу.

- Одно из самых громких уголовных дел последнего времени - дело полковника Росгвардии Дмитрия Сазонова. Дело сложное, да и фигурант непростой, понятно, что возникает много вопросов. Например, защита Сазонова говорит о провокации взятки, якобы совершенной в отношении их клиента, - такая вероятность существует? Пытался ли кто-то противодействовать работе СК при расследовании данного дела?

- Определенное противодействие имело место, но мы с подобным сталкиваемся не впервые. И ранее приходилось расследовать дела, где ощущалось сопротивление, но нам это не помешало направить дела прокурору для утверждения обвинительного заключения и далее в суд. Что

касается версии о провокации взятки, то это версия защиты Сазонова, это нормально, они ведь должны формировать какую-то позицию для своего подзащитного. Довольно часто по делам о взятках защита прорабатывает именно эту линию - что имела место провокация, что у человека и в мыслях не было, и не намеревался, его подставили и так далее. Но, с моей точки зрения, что в этом уголовном деле, что в прочих схожих делах, находившихся у нас в производстве, материалы оперативно-розыскной деятельности были изначально качественно, правильно собраны. Я имею в виду материалы, которые поступили из УФСБ в наш отдел и легли в основу уголовного дела. В этом плане дело Дмитрия Сазонова ничем не отличается от других дел о взятках. Никакой провокации, на наш взгляд, не было, хотя установить это в итоге предстоит суду. Если теоретически допустить, что имела место провокация, то дело просто-напросто не было бы возбуждено, так как мы оцениваем поступающие к нам материалы ОРД, в том числе и именно с той точки зрения, была провокация или нет.

Если бы на самом деле имела место провокация, это повлекло бы за собой отказ в возбуждении уголовного дела и процессуальную проверку в отношении лиц, участвовавших в проведении оперативно-розыскных мероприятий.

- С точки зрения версии о провокации плохо объясним второй эпизод уголовного дела Сазонова - о поборах с фотографов, которые работали в роддомах. Там ведь были свидетели, которые участвовали в передаче денег - его водители, подчиненные и так далее, часть денег перечислялась ему на карту...

- Да, все правильно, и на карту были перечисления, и в наличной форме - не ему непосредственно передавались деньги, а через третьих лиц, среди которых были и его водители.

- То есть получается, что полковник немного расслабился? Вообще перестал осторожничать?

- Возможно. Но вообще его должен был насторожить уже тот простой факт, что деньги ему лично передавал гражданин, за несколько месяцев до этого ставший заявителем на одного из сотрудников прокуратуры. Со стороны Дмитрия Сазонова продолжать «взаимодействие» с таким лицом - это надо было быть чересчур в себе уверенным.

- Было много упреков в отношении СК, когда у Дмитрия Сазонова умер отец - бывший спикер областной думы Виктор Сазонов и он якобы даже не мог с ним проститься, так как находился под арестом. А как на самом деле было?

- Мы проработали этот вопрос и предоставили ему возможность проститься с отцом, в знак уважения к Виктору Федоровичу принималось такое решение.

- Совсем недавно ваш отдел направил в суд два связанных между собой

коррупционных дела - руководителя областного фонда капремонта Михаила Архипова и замдиректора Приволжского ПЖРУ, спикера Промышленного райсовета Минахмета Халиуллова. Как выявлялось и расследовалось это преступление, можно ли назвать схему, которую использовали фигуранты, типичной?

- Начиналось все стандартно - с материалов оперативно-розыскной деятельности сотрудников ФСБ, проводимой в отношении руководства областного фонда капремонта. При проведении этих мероприятий поступило заявление от одного из подрядчиков фонда, из которого следовало, что он поставлен руководством ФКР в такие условия, при которых вынужден ежеквартально возвращать часть денежных средств, полученных по контрактам с ФКР, в виде откатов. В дальнейшем было установлено, что сумма откатов варьировалась для разных подрядчиков и составляла от 5% до 8%. Как именно устанавливались границы незаконного денежного вознаграждения - не совсем понятно, это мог бы рассказать сам Михаил Архипов, но он нам в этой части давать пояснения не захотел. По каким-то своим критериям он устанавливал для разных подрядчиков разные суммы откатов.

Сразу после передачи заявителем денежных средств в рамках проведения оперативного эксперимента задержали лицо, которое привлекалось братом Михаила Архипова - Алексеем Архиповым, к сбору денежных средств. В дальнейшем последовательно проведены мероприятия, направленные на задержание уже самих братьев Архиповых. Сначала Алексей Архипов сам собирал с подрядчиков деньги, но затем, видимо, решил подстраховаться и ввел в схему еще одно лицо, не осведомленное о преступных целях фигурантов. Возможно, они думали, что участие в схеме еще одного лица снимет подозрения с них самих. Но оперативно-розыскная деятельность - это такая кропотливая работа, которая фиксирует каждый шаг подозреваемого, поэтому раскрутить коррупционную цепочку при наличии соответствующих материалов не представляется неразрешимой задачей.

Задержания братьев Архиповых вызвали большой резонанс, дело широко освещалось в СМИ, в результате чего к нам потянулись другие подрядчики ФКР с заявлениями по аналогичным противоправным фактам в отношении них со стороны обвиняемых. Кто-то, видимо, сам в силу образования понял, кто-то с адвокатами посоветовался и решил, что в случае дальнейшего развития этого дела для условных взятокдателей тоже могут наступить негативные последствия. Этого не сделал Минахмет Халиуллов, следствием чего стало возбуждение уголовного дела в отношении него самого.

Если бы он поступил, как другие подрядчики ФКР, пришел бы к нам добровольно и рассказал, что его поставили в такие условия, при которых он вынужден платить откаты Архипову, то к нему бы не было претензий, поскольку в таком случае на него бы распространялось примечание к статье Уголовного кодекса и он подлежал освобождению от уголовной ответственности. Прочие заявители заняли правильную позицию, и стали по делу Архиповых свидетелями.

- Получается, что Халиуллов сам себя «закопал»?

- Отчасти, да. Ну и, видимо, не нашлось у него хорошего защитника, который подсказал бы, как в данной ситуации необходимо поступить, чтобы избежать негативных последствий. И поскольку он категорически отрицал свою причастность к «взаимодействию» с Архиповыми, мы продолжили работу по делу, получили доказательства, которые достоверно свидетельствовали о передаче им коммерческого подкупа братьям, после чего, имея на руках все необходимые материалы для принятия процессуального решения, мы были обязаны дать юридическую оценку его действиям. И мы ее дали, возбудив уголовное дело по статье «Передача коммерческого подкупа». Это статья - аналог статьи «Дача взятки», с той лишь разницей, что адресатом получения незаконного вознаграждения выступает не должностное лицо, а лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации.

- А насколько вообще сложно работать с такими людьми, как Сазонов или Халиуллов, - богатыми, влиятельными, людьми с характером, с амбициями? Как вашим следователям удается с ними справляться?

- В каком-то смысле с ними в чем-то даже проще, чем с подозреваемыми и обвиняемыми по другим категориям преступлений. Это так называемая беловоротничковая преступность, то есть люди грамотные, с высшим образованием, в большинстве случаев понимающие и адекватно воспринимающие ситуацию, в которой они оказались. Ну а если они порой слишком активно выстраивают линию защиты - так у них для этого и возможностей больше. Бесплатных государственных защитников у таких фигурантов в принципе не бывает - все адвокаты по соглашению, причем, как правило, не один защитник, а двое, трое, четверо. При этом, к сожалению для их клиентов, они дают не всегда полезные советы, как, собственно, и произошло с Халиулловым. Вместе с тем немало примеров, когда конструктивная позиция защиты и сотрудничество со следствием приводили в конечном счете к минимальным негативным последствиям в части наказания для обвиняемых.

Другой похожий пример: у того же самого Дмитрия Сазонова сразу после задержания появились три защитника, и только один из них сказал, что при наличии задокументированного факта получения денежных средств не имеет особого смысла бодаться со следствием. Однако после консультации с другими защитниками обвиняемый избрал позицию полного непризнания вины. Это его право. А мы сосредоточились на сборе и фиксации доказательств по делу, в результате чего выявили дополнительный эпизод его преступной деятельности и появилось второе уголовное дело.

Что же касается вопроса о следователях, то я убежден, что в отделе проходят службу настоящие профессионалы своего дела, которые в состоянии справиться с задачами любой сложности, не считаясь при этом с личным временем. Хотелось бы отметить и роль руководства управления, со стороны которого мы всегда получали полную поддержку.

Официальный сайт

Следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Самарской области

- В 2019 году в Самарской области дважды проводились оперативные мероприятия по документированию передачи взяток судьям Ежову и Бурцеву. А уголовные дела по этим фактам возбуждены?

- Здесь необходимо учитывать особый порядок, который применяется к судьям при возбуждении уголовных дел. Процедура такова - после поступления к нам из УФСБ материалов оперативно-розыскной деятельности мы проводим первичные мероприятия в рамках доследственной проверки.

И затем, если приходим к выводу о наличии в действиях состава преступления, готовим проект представления в Квалификационную коллегию судей, который направляем в Центральный аппарат СК РФ - поскольку решение о внесении данного представления на рассмотрение ККС принимается исключительно председателем СК РФ. Содержание представления согласовывается в Центральном аппарате и затем направляется в Квалификационную коллегию. В случае принятия положительного решения оно может быть обжаловано, и судья Ежов воспользовался этим правом и направил жалобу в Верховный суд. То есть необходимо дождаться вступления решения ККС о даче заключения относительно конкретного судьи в законную силу. Период рассмотрения жалобы, вступления решения в силу - все это требует времени. Как правило, в подобных случаях проходит несколько месяцев между моментом документирования взятки и возбуждением уголовного дела. Я контактирую с коллегами из других субъектов РФ и знаю, что процедура возбуждения уголовного дела в отношении судьи может занять и 9 месяцев, и даже полтора года.

- А сроки давности не истекут?

- В названных вами случаях мы имеем дело с особо тяжкими деяниями, сроки давности по которым составляют, если не ошибаюсь, 15 лет. Также необходимо отметить, что не так давно были внесены изменения в законодательство, и если раньше для привлечения судьи районного суда к уголовной ответственности было достаточно заключения ККС по субъекту РФ, то теперь этот вопрос решается Высшей квалификационной коллегией судей. И туда же направляется соответствующее представление. В настоящее время все необходимые материалы находятся в Центральном аппарате СК РФ, решение этого вопроса - вне компетенции самарского следственного управления. Проще говоря, мы ждем, когда завершится вся процедура, после чего, если дело поручат нам, мы примем его к производству и проведем предварительное следствие. Это то, что касается судьи Ежова, в отношении которого мероприятия по документированию прошли в начале года. А судья Бурцев стал объектом оперативного эксперимента совсем недавно, то есть вся эта долгая процедура в самом начале.

- Летом 2019 года суд Самарского района огласил приговор по громкому «картельному» делу, фигурантами которого стали чиновники областного минздрава и поставщики высокотехнологичной медтехники. В итоге за решетку отправились

бывший замминистра здравоохранения Альберт Навасардян и директор компании «СМТ» Сергей Шатило (он же сейчас - подсудимый по делу о поставках в больницы незарегистрированной медтехники). Насколько сложными в расследовании были эти дела, особенно «картельное», возбужденное по довольно редкой статье УК РФ? Удовлетворены ли вы приговором?

- Я удовлетворен тем, что этот приговор состоялся, поскольку дело было прецедентом не только для Самарской области, но и в масштабах страны. После оглашения приговора было очень много звонков от коллег из других регионов - с Дальнего Востока, из Сибири, из Санкт-Петербурга, из регионов ПФО - и все просили дать им копию приговора для анализа. Но тут есть один важный момент, и я коллегам тоже всегда это объясняю, говорю: «Если у вас на руках есть просто решение ФАС и вы рассматриваете вопрос о возбуждении уголовного дела, то этот приговор вам мало чем поможет в силу того, что в нашем случае в основу дела легли материалы ОРД, поступившие из УФСБ». Подобные материалы у моих коллег из других субъектов попросту отсутствовали как таковые, и это в значительной мере затрудняло принятие решения о возбуждении уголовного дела. Потому как само по себе решение ФАС об установлении факта ограничения конкуренции не влечет и не может повлечь автоматическое возбуждение в этой связи уголовного дела. В деле «СМТ» имело место, я бы сказал, исчерпывающее количество материалов оперативно-розыскной деятельности. Сотрудниками ФСБ были скрупулезно собраны материалы, которые в полной мере свидетельствовали о противоправной деятельности лиц, виновность которых впоследствии была установлена судом.

Все встречи фигурантов фиксировались, документировались, определенные технические мероприятия проводились, что позволило нам уже при поступлении из УФСБ материалов незамедлительно возбудить уголовное дело по факту коммерческого подкупа и совершения должностного преступления. А уже в дальнейшем - в рамках взаимодействия с УФАС по результатам проведенных сотрудниками антимонопольного органа мероприятий и на основании предоставленных нам материалов - установить все признаки ограничения конкуренции и возбудить по этому факту еще одно уголовное дело. Подобный алгоритм межведомственного взаимодействия представляется, на мой взгляд, оптимальным при выявлении преступлений, связанных с ограничением конкуренции. У нас же иной раз бывает, что отдельные представители общественности «выявляют» (как им кажется) картельный сговор и сразу требуют возбуждения дела, а нас открыто обвиняют в саботаже. Но все это не так просто делается, как кому-то может показаться. Здесь можно провести параллель с налоговыми преступлениями - далеко не каждый руководитель юридического лица, привлеченного к ответственности за совершение налогового правонарушения, станет фигурантом уголовного дела. Процедура сбора доказательств в силу закона у нас с налоговым органом разнится, мы по-разному их собираем. Нам необходимо не только установить факт наличия недоимки как таковой, но и доказать наличие преступного умысла в действиях конкретного лица.

- Кстати, некоторое время назад очень актуальной была тема раскрытия налоговых

преступлений. Что сейчас происходит с этим пластом преступности? Удалось ли налоговикам, которые обычно инициируют такие дела, повысить показатели собираемости налогов благодаря сотрудничеству с правоохранительными органами?

- Практика такова, что если во время предварительного расследования фигурант погасит налоговую недоимку, он освобождается от уголовного преследования. Если недоимка погашена до возбуждения дела, на стадии проведения доследственной проверки, - будет отказ в возбуждении. То есть все, так сказать, в руках налогоплательщика. Но есть особо упорные товарищи, которые и тут умудряются дойти до «посадки». Мы расследовали уголовное дело очень пожилого бизнесмена. Во время следствия у него было выявлено недвижимого имущества на сумму около 300 млн руб., а недоимка составляла порядка 10% от этой суммы. Но он предпочел сесть в колонию, вместо того чтобы заплатить налоги. Лично мне такое поведение непонятно.

- Еще одна важная тема - хищения в сфере ТЭК. Преступления этого типа нередко идут в связке с коррумпированием чиновников, менеджеров госкомпаний или силовиков. Насколько улучшилась ситуация в плане сохранности углеводородов?

- Как таковые хищения в сфере ТЭК это не совсем наша тематика, мы ее опосредованно касаемся лишь в связке с коррупционными преступлениями. Например, неделю назад суд Самарского района огласил приговор группе нефтеврезчиков. Уголовное дело до направления в суд находилось у нас в производстве. Изначально все стало раскручиваться после попытки подкупа сотрудников ФСБ, то есть в основу лег коррупционный эпизод, а потом уже мы занялись непосредственно хищением. Там же, где не идет речь о коррумпировании должностных лиц или о крышевании преступного бизнеса, мы, как правило, не занимаемся ситуациями, связанными с сохранностью углеводородов. Хотя без определенной коррупционной составляющей данные преступления, наверное, состояться не могут. Мы это понимаем, но одного понимания мало, нужны доказательства.

- Как мне кажется, в последние несколько лет граждане начали более активно сотрудничать с правоохранителями в плане пресечения коррупции. То есть если сейчас кому-то предложить «решить вопрос» за деньги, он предпочтет не заплатить за эту сомнительную услугу (как было всего несколько лет назад), а пойти и написать заявление в ФСБ - так ли это?

- Да, это так, и, повторюсь, эта тенденция связана с тем, что деятельность правоохранительных органов стала шире освещаться. Та же ФСБ всегда была крайне закрытой службой, а сейчас она постоянно дает СМИ информацию о своей работе, в частности о громких задержаниях. На мой взгляд, отношение и реакция у людей к коррупционным проявлениям меняется, и здесь, в том числе, помогло широкое освещение в СМИ результатов работы по противодействию коррупции - и у нас в Самарской области, и в целом по стране. Люди видят и чувствуют, что

могут обратиться за помощью - и им помогут.

Возможно, если вернуться на 10 лет назад, то многие и не пошли бы писать заявления на лиц из категории тех, кто у нас не так давно проходили и сейчас проходят фигурантами по делам. Это зачастую состоятельные, влиятельные люди. Заявители попросту опасались, поскольку предполагали, что делу или не дали бы ход, или ситуация ударила бы бумерангом по ним. Сейчас все изменилось, стало понятно, что неприкасаемых, как это ни избито звучит, нет, в том числе и в самых высоких эшелонах власти и бизнеса. И это не только мое мнение, об этом говорят сами граждане.

- Что было наиболее актуальным направлением работы вашего отдела в 2019 году и какие планы на наступающий 2020 год?

- Относительно актуальных направлений нашей работы в 2019 году и задачах на 2020 год все остается неизменным - качественное расследование уголовных дел при строгом соблюдении конституционных прав граждан в целях достижения неотвратимости наказания за совершение уголовно-наказуемых деяний.

В заключение хотелось бы поблагодарить органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, прокуратуру, а также управления ФНС и ФАС за тесное взаимодействие на протяжении последних лет, благодаря которому удалось добиться, с моей точки зрения, достойных результатов в плане борьбы с коррупционными проявлениями и преступлениями в сфере экономики.

Автор: НАТАЛЬЯ ЭЛЬДАРОВА

09.12.2019

09 Декабря 2019

Адрес страницы: <https://samara.sledcom.ru/news/item/1417501>